

Сегодня —

творческий вечер

Г. А. Товстоногова

Выдающийся советский режиссер

ВСЕГДА — МОЛОДОСТЬ

Для нас, старшего поколения грибоедовцев, Георгий Александрович Товстоногов — наша актерская молодость.

Говорят, что истинные таланты не стареют, ибо несут в себе заряд вечной молодости. Эти слова всецело относятся к Георгию Александровичу. Дело здесь не в том, что им одарено много и талантливо. Дело в неуемном темпераменте и оптимизме его как художника.

Ряд лет он работал в Тбилисском русском драматическом театре, поставил спектакли, память о которых пронесли через все эти годы не только мы, работники театра, но и зрители.

Что говорить о других его работах — в Москве, в Ленинграде!

В Ленинградском БДТ выросли под его руководством замечательные актеры, известные самому широкому кругу зрителей и любимые им.

Не могу не сказать о внимании, которое проявляется в БДТ по отношению к грузинской драматургии, о радости, которую доставляет нам блистательный успех зарубежных гастролеров руководимого Г. А. Товстоноговым театра.

Мы желаем ему творческих озарений — всего того, что было, что есть...

М. ПЯСЕНКИЙ,

народный артист Грузинской ССР, актер Тбилисского русского драматического театра имени А. С. Грибоедова.

В синтезе практики и теории

Моя творческая судьба с первых же шагов сложилась на редкость удачно. Судите сами. В годы моей учебы в Грузинском театральном институте здесь собрались такие замечательные педагоги, как Пагава, Беридзе, Натадзе, Кикнадзе, Алексидзе, Мревалшвили, Товстоногов. Это было блистательное созвездие мастеров, учивших студентов постигать психологическую сущность образа.

Я не был непосредственно учеником Георгия Александровича Товстоногова. Но так как в годы войны парней среди студентов было мало, то мне приходилось принимать участие во многих институтских спектаклях. Играл я и в четырех постановках Г. Товстоногова: «На всякого мудреца довольно простоты» (Глухов), «Мещане» (Нил), «Время и семья Конвей» (Биверс) и «Хозяйка гостиницы» (кавалер Риппафратта). Двадцать лет спустя после окончания института мне вновь улыбнулось счастье — счастье общения с Г. Товстоноговым как с режиссером-постановщиком спектакля. Это были все те же горьковские «Мещане», где на сей раз я сыграл уже Бессеменова.

Георгий Александрович, как никто другой, умеет определять характер роли, благодаря умению постигать природу авторского замысла в сочетании с собственным режиссерским решением. Определяя и разрабатывая в перспективе образ

вместе с исполнителем, он умеет исподволь, ненавязчиво подвести артиста к нужному для спектакля решению. Несмотря на требовательность Георгия Александровича, с ним очень легко работать. Вспомните такой эпизод. В отрывке из спектакля «Без вины виноватые» я исполнял роль Незнамова (сцена встречи с Кручининой). На следующий день, пригласив меня к себе, он сказал: «Вы думаете, что вчера сыграли образ Незнамова? Нет, вы попросту прочитали его текст. Ведь вы в сущности даже не дали по-

ПРОПОВЕДОВАТЬ театральное учение Станиславского в Грузинском театральном институте одним из первых начал тогда еще очень молодой Георгий Александрович Товстоногов. С этого периода фактически и начинается у нас систематическая пропаганда этого учения.

Г. А. Товстоногов отделил для нас понятие «система Станиславского» от художественной практики МХАТа, доказав, что система не является принадлежностью только лишь одного театра, что Станиславский обобщил в единую стройную систему все ценное, что было заключено в опыте великих актеров и режиссеров мирового и русского театра, открыл объективные законы поведения человека на сцене. По своей сути это открытие Станиславского в театральном искусстве имело не меньшее значение, чем открытия Менделеева, Дарвина, Эйнштейна в науке.

Сейчас спорить о «системе» считается даже неприличным, но не надо забывать, что не так давно это учение принимали в штыки. Я хорошо помню горячие дискуссии о «методе физических действий», помню, как на этих дискуссиях страстно спорили о том, нужна ли эта система для грузинского театра, не убьет ли она творчество в театре. Ученики Г. А. Товстоногова были в первых рядах этой борьбы. У него училась целая плеяда работников нашего театра: М. Чахави, С. Канчели, Н. Иасагашвили, К. Вацнадзе, Н. Кутателадзе, М. Гижимкрели, Д. Кутателадзе. Много работали с ним Г. Гегечкори, Э. Манджгаладзе, Е. Кипшидзе, Н. Урушадзе, Ю. Какулия, В. Непаридзе, Н. Чиковани, Н. Лаши, В.

Квачадзе, Ш. Карухнишвили, Б. Кобахидзе и многие другие. У Г. А. Товстоногова учились режиссерскому искусству Л. Иоселиани, О. Андроникашвили, К. Чавчавадзе, Р. Чхендзе, Т. Абуладзе, А. Даалишвили, А.

ва и естественна. Она на сцене так же естественна, как дома или на улице, но это естество от искусства.

Для того, чтобы хотя бы приблизительно понять, чему обучал и что проповедовал Г. А. Товстоногов,

Со временем вы поймете, что это самое главное, что то, что сейчас вас увлекает, — тот добавочный «ассортимент», от которого никто не отказывается, как от гарнира к зайцу, но сначала должен быть заяц! Я надеюсь, вы меня поймете верно, что я не призываю вас, не дай бог, к натурализму, к скучному МХАТу, к отказу от театральности, острой формы и пр. Конечно же, нет. Но сначала займитесь человеком, его внутренним миром, а потом найдется остальное...

Из письма Г. А. Товстоногова очень хорошо вычитывается суть его театральной проповеди, и я осмелился привести несколько строчек только лишь потому, что считаю: сегодня нашему театру как раз не хватает того, о чем так взволнованно писал Георгий Александрович Товстоногов своему ученику. Мы очень часто увлекаемся «гарниром», забывая «зайца».

Время развело нас, Г. А. Товстоногов стал ведущим режиссером нашей страны, режиссером с мировым именем, его спектакли в Ленинградском Большом драматическом театре не раз становились событием в нашем искусстве, но я и мои товарищи — его ученики никогда не забываем его заповедей и всегда, по мере наших сил, стараемся проводить эти заповеди в театральную жизнь. Лично я всегда буду признателен своему учителю, люблю его и благодарен за тот «фундамент», который он заложил во мне и моих товарищах. Все, что у меня есть от «системы», — все это от него.

Михаил

ТУМАНИШВИЛИ,
профессор, народный артист
Грузинской ССР.

ОТКРЫТИЯ...

Гамсахурдия, Г. Лордкипанидзе, М. Туманишвили и другие.

Помню, что еще в 1944 году Г. А. Товстоногов объяснял ученикам метод физических действий, который только через много лет приобрел популярность. Занятия его были для всех его учеников всегда праздником, к этим занятиям готовились, любили их, с нетерпением ждали. Уходили с этих занятий переполненными впечатлениями. Г. А. Товстоногов вел своих учеников от одного театрального «открытия» к другому легко, непосредственно, потрясая огромным количеством знаний и железной логикой мышления.

Он восхищал своим талантом и ясной, принципиальной позицией в искусстве. Он проповедовал систему Станиславского упрямо и страстно, как некую обязательную для всех веру.

На одном занятии Акакий Двалишвили спросил Товстоногова:

— А где у нас можно увидеть пример актера, работающего по системе Станиславского? Кто среди наших актеров удовлетворил бы Станиславского?

— Пойдите в театр Марджанишвили и понаблюдайте за Елизаветой Черкезишвили. Она правди-

приведу небольшую выписку из его письма ко мне в 1948 году: «Умейте рисковать. Это свойство утеряно многими крупными мастерами режиссуры и от этого такая неприглядная серость в наших лучших театрах... Вообще мне показалось, что вы излишне увлечены постановочными проблемами... Займитесь людьми, их внутренним миром и, не ограничиваясь декларациями о их характере и трактовке, ищите выражения его в острых приспособлениях, изнутри взрывающих кусок или сцену... Не очень нравится мне ваша мысль с джазом. Уж очень банальный ход — разоблачение Америки через взвизгивания джаз-банды. Изнутри, а не снаружи! Не знаю, понятно ли вам, что я имею в виду, но коротко так: тем острее социальное и разоблачительное прозвучит в адрес Америки эта пьеса, чем глубже в смысле характеров, взаимоотношений людей, атмосферы сценического действия она будет решена. Люди — это самое главное в сценическом искусстве, все остальное приложится, уверяю вас... Когда сцена будет изнутри верно решена, когда будет найдено ей острое и верное выражение, помочь ей (сцене) будет очень легко уже снаружи».

ТАЛАНТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ...

Мне настолько дорог Г. А. Товстоногов, огромный художник сцены нашего времени, и так хочется высказать ему слова благодарности, что я с радостью пользуюсь случаем сказать об этом на страницах газеты. Но мне, влюбленной в учителя, сказать коротко, лаконично, популярно, чем для меня дорога личность этого художника, и выделить какую-нибудь сторону, крайне трудно. Скажу тривиально — за его огромный художественный талант, но талант исключительный, уникальный, ибо он сочетает в себе как-будто бы несочетаемое или, вернее, трудно, редко сочетаемое — трезвую, разумную расчетливость исследователя, аналитика, ученого с невероятной раскованностью поэта и фантаста, с целенаправленностью гения, и за то, что талант Г. А. Товстоногова —

режиссера и педагога, в любых обстоятельствах и условиях направлен к поискам постижения жизни «человека духа». В этом я вижу его так называемое самовыражение художника. Свойство без внешних «усилий» и эффектов заражать не только зрителя, но, в первую очередь, сотрудников сцены своим мироощущением, своим пониманием искусства. Я хочу назвать это свойство его таланта умением «приручать», постепенно и незаметно превращать своих сотворцов в единомышленников.

Когда Г. Товстоногов приехал в Москву, он был молодым художником. В Москве в тяжелых условиях он организовал Передвижной театр. Не было помещения и места для репетиций. Работать тогда приходилось, где попало. В ту пору мне пришлось быть в Москве.

Придя к нему и не застав его дома (он снимал комнату около Камерного театра), я стала ждать его вместе с членами работающего с ним коллектива. Поговорив с ними, мне было трудно понять, как они ему уже верят. Режиссерский и педагогический талант Г. Товстоногова поразил их, и я увидела, что они «приручены». Это были молодые выпускники ГИТИСа, ученики маститых режиссеров советского театра — А. Попова, Ю. Завадского, Н. Петрова и А. Горчакова. И вот эти молодые актеры, так же, как и мы, его ученики, восхищаясь талантом Г. Товстоногова, не могли понять и привыкнуть к мысли, как можно было не цепляться за него. Они верили в него так же, как теперь верят в него его нынешние ученики и соратники по искусству.

Лили ИОСЕЛИАНИ,
заслуженный деятель искусств.